

исходит с теми, кто приближается к врагу рода человеческого. И самым настоящим скотом становится человек, которого покинул господь.

– Какова бы ни была эта несчастная, – сказала Эннасюита, – не заслуживают похвалы и те, кто хвастает своим заточением.

– Я считаю, – ответила Лонгарина, – что мужчине так же трудно скрывать свое счастье, как его добиваться, ибо как ни один охотник не откажет себе в удовольствии, увидев добычу, трубить в рог, так нет и такого любовника, которому бы не хотелось похвастаться своей победой.

– Окажись я даже перед лицом всех инквизиторов Церкви, вместе взятых, – воскликнул Симонто, – я почти такое утверждение за ересь, ибо скрытных мужчин на свете больше, нежели скрытных женщин. И я знаю немало таких, которые готовы были бы отказаться от всех радостей любви, если бы знали, что им не избежать огласки. Потому-то наша Церковь, как подобает любящей матери, заботится о том, чтобы исповедниками были только мужчины, – женщины ведь неспособны хранить тайну.

– Это вовсе не потому, – сказала Уазиль, – просто женщинам до того ненавистен всякий порок, что они никогда бы не дали так легко отпущения грехов, как мужчины, и, налагая епитимьи, были бы чересчур суровы.

– Если бы женщины, исповедуя, были так же жестоки, как они жестоки в своих речах, – сказал Дагусен, – они бы *всех* грешников довели до отчаяния, вместо того чтобы помочь им спастись. Церковь все это хорошо предвидела. Но это не значит, что я хочу оправдывать этих сеньоров, которые так хвастали своим заточением, ибо не к чести мужчины хулить и позорить женщину.

– Раз участь их была одинакова, – сказал Иркиан, – то, по-моему, они правильно поступали, утешая друг Друга.

– Но как раз во имя собственной чести им и не следовало посвящать в свою тайну другого, – возразил Жебюрон. – Ибо книги Круглого Стола учат нас, что рыцарю сильному победа над слабым никогда не приносит чести.

– Удивительно, – сказала Лонгарина, – как эта несчастная, когда увидела всех своих узников вместе, не умерла от стыда.

– Людям, которые потеряли стыд, – сказала Уазиль, – стоит большого труда его вернуть. Это удается только тем, которых забыть его заставила большая любовь. И мне пришлось видеть, что многие из таких возвращались на прежний путь.

– Должно быть, возвращались как раз те, кому было откуда возвращаться, – сказал Иркиан, – не так-то легко найти женщин, способных сильно любить.

– Я с вами не согласна, – сказала Лонгарина, – я убеждена, что есть женщины, которые любят до самой могилы.

– Мне так хочется послушать ваш рассказ, – сказал Иркиан, – что я передаю вам слово, дабы вы убедили меня, что женщины способны на такую любовь, какой, по-моему, у них никогда не встретить.

– Когда вы его услышите, – сказала Лонгарина, – вы мне поверите и согласитесь, что нет чувства более сильного, чем любовь. Но так же, как любовь заставляет совершать почти невозможное, чтобы обрести в этой жизни радость, – так, больше чем какое-либо другое чувство, она способна привести в отчаяние любого мужчину и любую женщину, которые теряют надежду на исполнение своих желаний, и вы это увидите.

Новелла пятидесятая

Господин Джованни Пьетро долгое время тщетно преследовал своими ухаживаниями соседку, в которую был страстно влюблен. И чтобы больше о ней не думать, он перестал показываться ей на глаза. От этого на него напала такая тоска, что врачам пришлось назначить ему кровопускание. Дама эта, зная причину его недуга, решила тогда согласиться на то, в чем раньше ему всегда отказывала, и, думая этим его спасти, в действительности ускорила его кончину; после чего, понимая, что по своей вине она потеряла такого верного друга, она разделила его участь, лишив себя жизни ударом шпаги.